

Гость
13-й страницы

Выпуск 276-й

Петрович Агарков, ученик самого Игумнова. Агарков был не только пианистом, но и композитором, и я под его рукой начал заниматься композицией. И представьте, однажды, в тридцать лет, сидя за праздничным столом, вдруг взял листовой бумаги и записал фортепианный этюд...

— Как отреагировал на это учителя?

— Одобрил. Тогда последовали новые этюды, марши, фортепианные пьески, а за ними и романсы (первым был романс на слова «Старый муж, грозный муж»).

— Выходит, вы еще с детства испытывали себя в разных жанрах?

— Но это же интересно! И полезно тому, кто тяготеет к композиции. Песни поют все; концертная форма очень празднична и тоже всем понятна, фортепианные пьески — это как бы новеллы композитора, а симфония — это его роман-эпопея. Главное — чтобы музыка была жизнеутверждающей! Радость бытия, сложность человеческих натур, коллизии жизни, борьба за лучшее будущее, драматизм, даже трагичность этой борьбы, и оптимизм, торжество победы — согласитесь, тематика безгранична, и она требует всяких форм.

— В одной из книг, написанных о вас, я прочел, что лет в четырнадцать или пятнадцать вы ездили в Москву, встречались с профессором Гнесиным. Как это было?

— Михаилу Фабиановичу обо мне рассказали, и он пожелал послушать меня. Очень тепло принял, поквакал первые мои сочинительские пробы. Но посоветовал вернуться в Елец, закончить среднюю школу, а уж тогда, дескать, посмотрим. Заканчивая школу, я написал Гнесину: как, мол, он считает — получится из меня композитор или не стоит пытаться? Про-

мне? Нет, не нужно! Что делать, пришлось переписать все заново, и окончательный вариант приняли — и Клара, и, кажется, все слушатели.

— Следовательно, Клара Арнольдовна — ваш бескомпромиссный критик?

— И это очень хорошо. Она всегда недовольна только что завершенным произведением, находит в нем слабые места и требует исправить...

— Тихон Николаевич, киногрители помнят вас в картине «Поезд идет на восток» — симпатичного молодого моряка с аккордеоном: «Вперед, друзья! Путь далек — Дальний Восток...». Как сегодня, с высоты возраста и композиторского ранга, вы относитесь к этому эпизоду своей молодости?

профессором консерватории, ущемлять творческую индивидуальность ученика. Нет, следует лишь направлять ее, давая свободно развиваться.

— Вы написали серьезные вещи — оперы «В бурю», «Мать», «Фрол Скобеев», «Доротея», симфонии, концерты. И вдруг — оперетта «Сто чертей и одна девушка»!

— И оперетта «Белая ночь». И, кстати, «Фрол» и «Доротея» — комические оперы. Мы ведь с вами уже договорились, что все жанры интересны. Я и для театра, которым руководит Наталия Сац, писал музыку — к фантастической приключенческой сказке «Мик». Причем было мне тогда всего девятнадцать... Я жадно слушал рассказы Ильи Александровича Саца о его работе в Художест-

и зарубежных стран. И не только с художниками, но и с государственными, общественными деятелями, производственными, земледельцами, военачальниками. Например, в 1945-м до Берлина я дошел вместе с воинами Первого Белорусского фронта, с Василием Ивановичем Чуйковым, который почти не отпускал от себя нас, Матвея Блантера и меня. Победу мы встретили в Берлине. Там, между прочим, произошел случай, натолкнувший меня на мысль о работе, которой мне еще предстоит заняться.

— Пожалуйста, Тихон Николаевич, расскажите!

— Дело было так. Мы с Блантером, Всеволодом Вишневским и Иваном Золиным пришли на командный пункт артиллерии, который вел бой в предместье Берлина. Вечером выпала бойцам передышка. Спустились мы в подвал дома, где был КП, сели ужинать — вдруг слышим откуда-то сверху... Финал Первой сонаты Бетховена! Я бросаюсь наверх, вижу: девушка в солдатской гимнастёрке и пилотке стоит у пианино (стоит потому, что стула нет) и играет при свете свечи!. Оказалось, студентка Ленинградской консерватории, санинструктор, забежала в этот дом попить воды и увидела пианино... Вспоминая этот эпизод, я осознал: должен написать оперу об Отечественной войне — лирическую, драматическую, с трагизмом, с оптимизмом Победы. Про жизнь и мир.

— Этот замысел подсказан конкретным случаем. В каких еще обстоятельствах рождаются идеи произведений?

— В любых. Однажды в отпуске, на отдыхе, вдруг сразу возникли, как бы это называть, контуры моего Третьего концерта...

— Думаю, что вы большой любитель чтения, но не слишком расположены к точным наукам?

— Вот и ошиблись. По математике, по физике у меня были хорошие и отличные отметки. А литература — конечно: исторические романы, биографии великих людей, всяческую беллетристику люблю с детства. Полные собрания сочинений, будь то Пушкин или Гоголь, Данилевский или Григорович, прочитывал от корки до корки.

— Музыканту нужно постоянно сохранять своего рода спортивную форму. Вам это удается?

— Регулярно делаю зарядку утреннюю гимнастику. Но, знаете, у музыканта жизнь такая, что никак не соблюсти режим. Выступление перед публикой, как и репетиция с оркестром, — большая физическая и нервная нагрузка, страшно изматывает. Приезжаешь поздно вечером домой голодный, от усталости ног не чувствуешь, тут уж не до гимнастики.

— Тихон Николаевич! Позвольте от имени журналистов и читателей «Недели» поздравить вас с юбилеем, с награждением орденом Ленина, пожелать много-много сил для новых произведений, а мы будем их ждать от вас непременно.

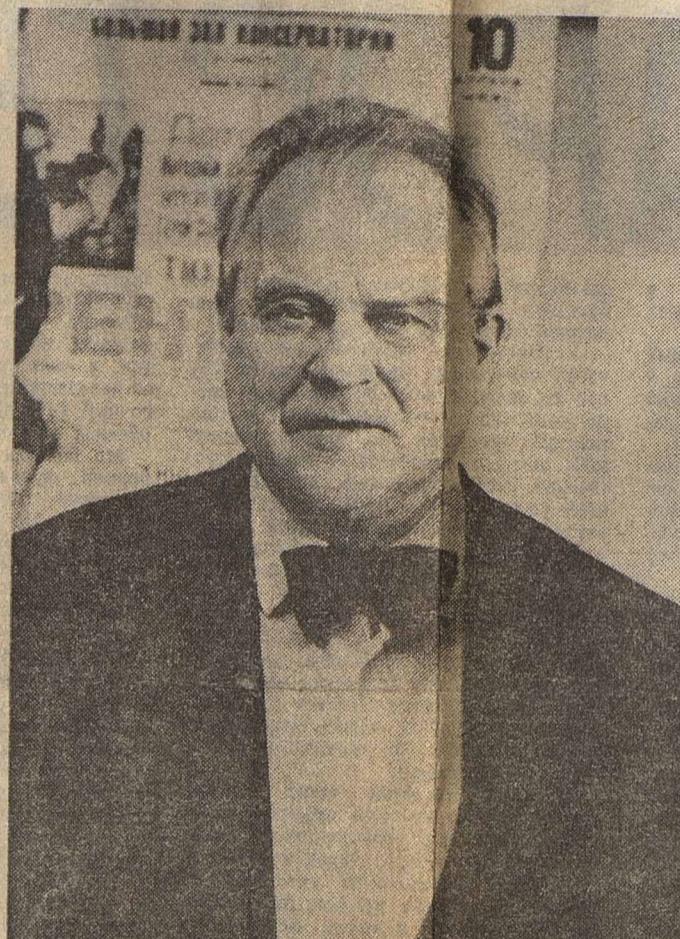
— Спасибо большое. Я тронут. Силы очень нужны. Были бы силы — остальное будет.

Гостя расспрашивал

Эдуард ЦЕРКОВЕР.

Сфотографировал

В. Ахломов.

Тихон Хренников

— А какие звуки вам решительно неприятны?

— Какофония, производимая музыкальными инструментами.

— И так было всегда? С самого раннего детства?

— Пожалуй. Помню себя пятилетнего — уже читал и писал, а шести лет от роду поступил в первый класс, скрыв свое малолетство. И сразу начал петь — в школьном хоре и соло, играть на гитаре и, как ни смешно прозвучит, на специально подобранных стаканах! (Смеется.)

— Вы из музыкальной семьи?

— Как тут скажешь? Музицировали у нас все, по-любительски, конечно: и отец, Николай Иванович, и мама, Варвара Васильевна, и мы, десять их детей. А старший мой брат, Глеб, превосходный тенор, был даже принят в Московскую консерваторию, но время было грозное, гражданская война, и в 1918-м он погиб под Двинском... Как он романсы чувствительно пел... Да, мы в семье играли, особенно на струнных инструментах, причем не только дома, но и в городском саду, перед публикой. А было это в Ельце, там я родился и рос. Слышали — Елец, на Орловщине? Старинный (больше 800 лет) городок над речкой Сосной, славящийся своими яблоневыми садами, елецкими кружевами...

— А сочинять музыку вы когда начали?

— Да тоже мальчишкой. Однажды лет мне было, когда меня стал пестовать Владимир

Фёдоров ответил, что категорически предсказывать не берется, но будущее мое как профессионального музыканта для него бесспорно и учиться мне надо. После столь эндорающего ответа я вновь явился в Москву и был принят в техникум имени Гнесиных. А еще через год — на второй курс Московской консерватории, в класс Виссариона Яковлевича Шебалина. А еще через год написал свой Первый фортепианный концерт.

— И, насколько известно, вы

студентом написали, кроме этого

концерта, еще и Первую

симфонию, и музыку к спектаклю

Театра имени Вахтангова

«Много шума из ничего»!

— Да, меня, юнца, пригласил

Рубен Николаевич Симонов и

предложил написать музыку к

уже готовому спектаклю. Вооб

ще-то ее должен был писать

Юрий Шапорин, но он, как на

грех, в это время заболел. Ну,

я взялся. Это было очень приятно делать, тем более что тек

сты песен и серенад сочинил

Павел Антокольский. (С улыбкой.)

Как раз тогда я был

влюблён в свою будущую жену

и первый вариант песни Клавдио

(«Как соловей о розе») по

святил ей и преподнес. А она

возмутилась: «Это — мне? Та

кая невыразительная музыка —

— Во-первых, что значит «ранг»? У композиторов нет рангов, есть лишь то, что они написали и напишут. Общественная работа необходима, и раз тебе выбирают руководство творческого союза, то надо действовать, оправдывая доверие. Во-вторых, я не так уж ощущаю свое 70-летие; и вообще все мы, как правило, оставляем в душе такими же, как в юности. Я бы и сейчас с удовольствием снялся в художественном фильме, а почему бы и нет? (Смеется.) Вот только режиссеры предпочитают «почему-то» Вячеслава Тихонова и Иннокентия Смоктуновского...

— Скажите, Тихон Николаевич, какое качество (или качества) появилось в вас со временем, с годами, жизненным опытом? То есть в юности его не было, а теперь есть?

— Терпеливость, бережность в обращении с людьми. Внимание к ним, заранее добре отношение к человеку, с которым предстоит общаться. Этому научили меня десятилетия и партийной работы, и депутатской, и в руководстве Союза композиторов, и другой общественной работе. Без доброжелательного отношения, без того, чтобы вникать в заботы людей, помогать им, в этих делах нельзя. Как нельзя, будучи педагогом,

вненом театре, его советы, режиссерские импровизации, и это помогало мне писать музыку к спектаклю. Театр — конкретное искусство, и оно требует к себе очень конкретного отношения. Первая работа в театре для детей помогла мне творчески это ощутить.

— Вы сейчас вспомнили Илью Саца. С кем еще из больших художников, великих мастеров искусства вам доводилось сотрудничать, встречаться, дружить?

— О, мне в этом смысле почастливилось Сергея Прокофьев, Дмитрий Шостакович, Арам Хачатурян, Дмитрий Кабалевский, Георгий Свиридов — словом, можно перечислить почти все имена, внесенные в справочник Союза композиторов, — это мои друзья, или близкие знакомые, или приятели, или просто коллеги, с которыми регулярно общаясь... Оперу «В бурю»ставил Владимир Иванович Немирович-Данченко. Как пианист я занимался в классе Генриха Густавовича Нейгаузса. Первым интерпретатором моей Первой симфонии стал знаменный дирижер Георг Себастьян. Я хорошо знаком с Михаилом Александровичем Шолоховым, с Леонидом Максимовичем Леоновым... Со многими другими выдающимися художниками нашей

